

Выступление М.Л. Гальперина на конференции «Esimene 2023: Глобальный Финансовый Форум»

Дорогие коллеги!

Волей судеб я - юрист энергетической компании, а стремление к углеродной нейтральности как раз связано с вызовами для электроэнергетики и для юриспруденции.

Если традиционно право отражало существующие общественные модели, то теперь оно поставлено на службу — пока воспринимаемой как абстрактная — идее достижения углеродной нейтральности, реализация которой в осязаемой форме займет по крайней мере 30-40 лет. Впервые законодательство, включающее ограничения и запреты для миллиардов жителей планеты и миллионов компаний, должно появиться уже сейчас, но эффект от его применения возможно ощутят только следующие поколения людей.

«Зеленый» переход для обычных людей (тех, кого называют субъектами права) пока основан не на рациональном понимании, а на вере. Вере в то, что без общих усилий апокалипсис неминуем.

В российской истории уже был период, когда в основу регулирования была положена беззаветная вера в абстрактную идею. Эта концепция достижимости всеобщего блага на основе учения марксизма-ленинизма, кстати, пыталась подкрепить себя многотомными трудами и работой целых академических институтов. Обещанного будущего не случилось, но обслуживая эти оказавшиеся в итоге утопичными теории, законодательство лишило миллионы людей их собственности, свободы, достоинства. Так было подорвано доверие людей к самому праву. Нельзя угрозами, новыми налогами и лишениями заставить людей идти к светлому «красному» или «зеленому» будущему. Право, в отличие от религии, не может быть основано на нерациональной вере, только на осознанном доверии. Чтобы установить такое доверие и, главное, сохранять его в течение десятилетий тяжелого пути, нужно быть ответственными, честными, последовательными и иметь на руках факты. А факты пока выглядят так.

Представим, что я мечтаю о новом электромобиле, который кажется модным, «зеленым» и экологически чистым. Единственное, что меня огорчает, это цена электрокара, которая все еще в два раза выше, чем цена за автомобиль того же класса с бензиновым двигателем. Кроме того, зарядная станция находится в десяти километрах от дома. Поэтому перед покупателем стоит непростая задача убедить членов семьи в том, что в долгосрочной перспективе иметь электромобиль правильно и выгодно, несмотря на неудобства и необходимость ограничения уже сейчас семейных трат на питание, отдых и образование для компенсации увеличившихся расходов на новый автомобиль.

То же самое касается взаимоотношений общества, бизнеса и государства при обсуждении трат на декарбонизацию. Согласно Программе ООН к 2050 году инвестиции в окружающую среду должны достигать примерно 500 млрд долл. ежегодно. Это не абстрактная цифра, это деньги, которые заплатит каждый из нас.

Финансирование углеродной нейтральности неизбежно окажет влияние на поддержание других жизненно важных областей, включая образование, здравоохранение, социальное обеспечение. То же относится и к бизнесу. ВВП стран и EBITDA компаний, по которым судят об их состоятельности, не могут расти настолько быстро, чтобы покрыть новые «зеленые» затраты. Проще говоря: сейчас это выглядит не как инвестиции, а как расходы, если только декарбонизация сама по себе не будет стимулировать быстрый экономический рост, чего пока не наблюдается.

Многочисленные публичные расходы требуют установления наивысшего уровня открытости и доверия. Доверия между правительствами и людьми в том, что деньги, которые они заплатят в виде налогов и более высоких цен на повседневные товары, такие как электричество, тепло, одежду или продукты питания, будут использованы для достижения лучшего будущего. Доверия между государством и бизнесом — в том, что расходы и упущенная в связи с ограничениями выбросов выгода не будут носить дискриминационный характер, что появятся четкие и прозрачные правила, которые будут равно соблюдаться всеми. Наконец, доверия между самими государствами в том, что «зеленая» повестка не будет использована в качестве инструмента торговых войн, новых санкций и политического давления.

Заметим, что как раз отсутствие доверия сильно затруднило объединение мира в борьбе с глобальными вызовами вроде пандемии COVID-19. Странам так и не удалось договориться о трансграничном признании всех вакцин, а во многих государствах люди так и не поверили в необходимость санитарных мер по борьбе с распространением вируса. В части дефицита доверия «зеленый» переход является намного более серьезным и долгосрочным вызовом, чем коронавирус, соответственно, ответ на него потребует еще большего информирования, обсуждения, осознанной решимости терпеть изменения.

Прежде всего эти изменения, произойдут в электроэнергетике. Зеленый переход предполагает изменение энергетического баланса в пользу возобновляемых источников энергии: солнца и ветра. Но, как показали события нескольких последних лет в Европе, резкий переход на «зеленую» энергетику чреват непредсказуемыми последствиями, вплоть до резкого энергодефицита, влекущего расконсервирование даже угольной генерации. Кроме того, сейчас почти 1 млрд человек на планете вообще не имеют регулярного доступа к электроэнергии, а в Африке южнее Сахары основным источником энергии остается биотопливо (а проще говоря, дрова и опилки).

Важно, чтобы «зеленый» переход не подорвал основы экономического роста, который на протяжении десятилетий дает рабочие места, мотивацию работать эффективнее, повышает качество жизни, дарит людям надежду, что их дети будут жить лучше и благополучнее, чем они сами.

Факты таковы, что форсированный переход на электротранспорт уже повлек за собой проблему утилизации электрических батарей, которые все еще производятся с использованием невозобновляемых природных ресурсов. Кроме того, отказ от транспорта на углеродной основе приведет не только к существенному росту цен на электроэнергию, но и к перестройке сетей электроснабжения с учетом необходимости повышения электрического напряжения, изменения схем электроснабжения, что в свою очередь потребует миллионов тонн металла и других материалов.

Я не уверен, что на рубеже прошлого и позапрошлого веков власти каких-то стран пытались насильно новыми налогами и законами заставить людей пересесть с лошадей на новый эффективный вид транспорта-автомобиль. Это произошло эволюционно, плавно приспособив инфраструктуру и образ жизни людей во всем мире. Более того, если тогда серьезной экологической и урбанистической проблемой виделось накопление в мегаполисах лошадиного навоза, то распространение двигателя сделало «навозную проблему» неактуальной и даже курьезной.

Мы не умеем предсказывать будущее и оцениваем его, исходя из сегодняшних представлений о технологиях, но нельзя исключать, что через двадцать лет вызванный форсированным «зеленым» переходом рост цен на ископаемое топливо (свидетелями чего мы были в 2021-2022 годах, и видим снова) откроют дорогу для многомиллиардных частных инвестиций в методы добычи, доставки и переработки углеводородов. Это, в свою очередь, сделает, например, природный газ самым экологичным видом топлива, а повышения глобальной температуры не произойдет и без жертв и диспропорций в экономике, которые кажутся неизбежными сейчас.

Хотя борьба с глобальным изменением климата жизненно необходима, и это признано подавляющим большинством государств, она не должна немедленно разрушать образ жизни, тем более, что вынужденное изменение энергетических привычек затронет не предприятия, а домохозяйства, доля которых в первичном энергопотреблении в среднем по миру составляет 80 процентов, оставляя промышленности 20.

Цена энергоперехода не должна быть непомерной для цивилизации, она не может заслонить 16 других, не менее важных целей устойчивого развития ООН. Иначе однажды мы обнаружим, что возвращаемся с вдохновляющей конференции об экологической революции в холодный и темный дом с голодными детьми.

Как было отмечено, «зеленый» переход является вызовом и для «цивилизации права». Переход экономики на «низкоуглеродные рельсы» уже ставит под сомнение традиционные постулаты о неприкосновенности собственности, свободе предпринимательской деятельности, судебной защите прав.

Например, международно-правовое регулирование трансграничных инвестиций традиционно предполагает компенсацию любых потерь инвесторов от изъятия их вложений, под которым понимается не только прямая экспроприация, но и регуляторные меры, ограничивающие те или иные виды бизнеса в публичных интересах. Так, западноевропейские правительства — флагманы «зеленого» перехода уже стали ответчиками по многомиллиардным требованиям, связанным с их экологической политикой. В частности, к Нидерландам был предъявлен иск в международный инвестиционный арбитраж от германской энергетической компании, которая потребовала около 1 млрд евро компенсации в связи ужесточением законодательных требований к использованию угля. Такие иски со ссылкой на Договор к Энергетической хартии были поданы и к Германии в связи с ограничениями для атомной энергетики, и к другим странам. Они побудили страны Европы поставить под сомнение целесообразность существования международного договора, изначально предназначенного для обеспечения безопасности западных инвестиций в энергетику постсоветских стран, но затем превратившегося в орудие, под угрозой огромных потерь заставляющее государства менять свою политику. Теперь страны ЕС дружно и судорожно пытаются выйти из договоров, которые создают риски для предъявления к ним международных исков в целях понуждения к большей амбициозности в достижении экологических целей.

Но этот поток уже не остановить. Можно прогнозировать все более активное обращение к вопросам экологии со стороны международных трибуналов, которые начнут соревноваться в «зелёности». Но ограничение свободы государств в этой сфере в пользу некоего общего, пока не закреплённого на уровне международных договоров стандарта экологического поведения, рискует привести не к улучшению окружающей среды, а к новому витку международного напряжения, к восприятию государствами экологической повестки как искусственно навязанной в целях политического давления. Кроме того, открытие этого ящика Пандоры захлестнет международные трибуналы исками, снизит эффективность рассмотрения жалоб по другим ключевым категориям прав, ради которых эти суды и создавались когда-то.

В западной литературе предпринимаются попытки (хоть и не всегда научно корректные) исторически связать вид источников энергии с политическим режимом (и соответственно, правовой системой) той эпохи или страны, которая их использует. Например, развитие в середине XIX века промышленности, основанной на угле, потребовало совместного труда тысяч рабочих на шахтах в тяжелейших условиях. Концентрация пролетариата стала триггером для взрывного

развития социалистических идей. В свою очередь, переход в середине XX века на нефть, которая может добываться с приложением относительно небольшого человеческого ресурса и доставляться на огромные расстояния, стал фактором развития индивидуализма и современной западной демократии, однако стал причиной растущей международной нестабильности на осях Запад — Восток и Север — Юг. Интересно, какая общественно-политическая система возникнет в грядущую эпоху тотальной «чистой» энергетики?

В те времена, когда основным источником энергии были возобновляемые лес, вода и солнце, на земле господствовали рабовладение и феодализм, основанные на многовековой концентрации ресурсов в руках избранных. Есть надежда, что «зеленая» экономика не вернет нас в эти темные времена, а предложив новый тип правосознания, основанный на коллективной ответственности, в силу которой каждый человек будет осознавать последствия своих действий для собратьев, живущих за тысячи километров от него.

Глобальные правила можно поменять только по общему согласию. Не может быть односторонних действий, какими бы благими целями они ни оправдывались. Иначе до светлого будущего углеродной нейтральности человечество, как показывают некоторые последние события, может просто не дожить.

Выводы и предложения:

1. Бизнес давно прекрасно понимает ответственность за построение общего «зеленого» будущего. Более того, его к этому побуждает запрос властей, акционеров, работников, клиентов. Но они же не менее сильно хотят получать высокие дивиденды, большие налоги, достойные зарплаты, платить меньше за товары. Есть и другие задачи человечества, стоящие дорого: борьба с неравенством, бедностью, обеспечение безопасности.

2. Поэтому необходим гибкий подход-меньше резких шагов, а больше свободы – внедрение методик снижения выбросов и квалификации инвестиционных проектов как экологических, развитие разного рода инструментов soft law, лучших практик, без правового принуждения. Новое будущее потребует и нового облика права - не создания очередных громоздких юридических надстроек, а аккуратное погружение экологических элементов в существующие уже известные меры регулирования и поддержки бизнеса.